

Его сердце было наполовину полно скорби, наполовину — холодной пустоты. Он жалел Чунь-эр, но в то же время чувствовал облегчение, в котором примешивались слабая вина за то, что он поддался течению, и страх перед совершенным дурным поступком.

Он был человеком, чьи чувства всегда написаны на лице. Сун Шаоянь, видя, как выражения сменяют друг друга, не удержался и спросил:

— Моя просьба показалась тебе настолько чрезмерной?

Лу Вэньхао поспешно придал лицу строгое выражение:

— Моя кузина — девушка. Когда я буду объяснять ей всё, нужно подбирать слова осторожно, чтобы не уязвить её самолюбие.

Однако в глубине души он прекрасно понимал: он никогда не сможет произнести такие слова перед Чунь-эр.

— Ты можешь говорить начистоту. Я никогда не испытывал влечения к женщинам, поэтому не достоин её. — Сун Шаоянь взглянул на часы. — У меня ещё есть дела, не буду мешать твоей работе.

Сказав это, он попрощался и ушёл.

Лу Вэньхао остался стоять на месте, внезапно ощутив лёгкую утрату и смятение. Если вдуматься, это было похоже даже на нежелание отпускать его.

Приходилось признать: порой беседовать с Сун Шаоянем — если не касаться государственных дел — и слушать его язвительные реплики было довольно приятно.

Вернувшись в комнату, он обнаружил, что жена посла уже ушла. Он просидел в одиночестве некоторое время, пока ему не принесли документы для перевода.

Сун Шаоянь и Лу Вэньхао встретились снова, когда наступила глубокая осень.

Чунцин только что пережил очередную воздушную бомбардировку, и лишь благодаря тому, что небо вовремя разразилось густыми туманами, город наконец получил передышку.

В тот день Лу Вэньхао, как обычно, работал в Теюане. Взглянув в окно на дерево баньян, он увидел, как один лист, кружась на ветру, сорвался вниз и печально упал в грязь.

Пожалуй, это и имел в виду древний поэт, говоря: Лист опадает, гонимый ветром, и лишь тогда понимаешь, что пора холодов настала раньше времени.

Мимолётный вид опавшего листа вызвал столько мыслей, что Вэньхао невольно отложил работу и, стоя у окна, тяжело вздохнул.

Весна сменилась осенью, пролетел год, время шло день за днём, но пожар войны всё разгорался, казалось, ему не будет конца. Повсюду кровавые тучи, улицы окутаны дымом — много ли найдётся тех, чья душа спокойна и довольна?

Он не знал, когда наступит конец этим дням. Вэньхао охватила глубокая тоска за самого себя, забившегося в тихий уголок.

Да, именно тоска. Он предпочёл бы корить себя, но ни за что не признался бы в том, что сейчас чувствует себя бесконечно одиноким...

Внезапно раздался тихий стук в дверь.

Вэньхао взглянул и ахнул: перед ним стояло знакомое лицо — Сун Шаоянь, пропавший без вести три месяца назад!

Неизвестно, было ли это игрой воображения, но тот выглядел слегка похудевшим, что, впрочем, не портило его красоты, а на лице по-прежнему играла насмешливая улыбка.

В руках он держал картонную коробку, знаками показывая, чтобы Вэньхао спускался вниз.

Спустившись, Вэньхао с ходу спросил:

— Что-то случилось?

Сун Шаоянь опешил:

— Неужели нельзя прийти без дела? Я думал, мы друзья.

Вэньхао притворился крайне удивлённым:

— Друзья? С каких это пор? Почему меня никто не уведомил?

Сун Шаоянь занервничал:

— Ты сердишься? Почему? — он сделал шаг вперёд, словно пытаясь понять, что происходит с Вэньхао.

Но тот отступил, сохраняя дистанцию.

— А я-то думал, после нескольких месяцев разлуки ты проявишь сочувствие к моей дорожной усталости и встретишь меня теплее. А вместо этого — глыба льда. — Он посмотрел на коробку в руках. — Эх, в самый лютый мороз пить ледяную воду — всё это остаётся в сердце.

Вэньхао был ошеломлён:

— Ты... ты покидал Чунцин?

Сун Шаоянь удивился ещё больше:

— Ты не знал? Я уезжал в спешке и не мог попрощаться лично, поэтому перед отъездом специально отправил письмо в Лиюань!

— Я не получал никакого письма.

Сун Шаоянь нахмурился:

— Похоже, кто-то намеренно решил помешать.

Вэньхао не придавал этому значения:

— Всякое бывает при пересылке. — Лишь теперь камень с его души свалился.

Пусть кто-то посмеётся над его тревожностью, но когда человек, который постоянно мелькал перед глазами, внезапно испарился, трудно было не накручивать себя. Чем больше проходило времени, тем сильнее становилось беспокойство... Он боялся, что однажды в газете появится сообщение о найденном где-то безымянном мужском трупе.

Он даже несколько раз, проходя мимо мрачных ворот на Роцзявань, испытывал импульс зайти и выяснить всё самому. Или, может, стоило разведать обстановку в Хунъяньцуне? Но кто он такой, чтобы совать нос в чужие дела? Ещё засмеют.

Приходилось твердить самому себе, что этот человек не имеет к нему никакого отношения, и незачем о нём думать.

Теперь, осознав, что это было лишь недоразумение, он почувствовал, как нелепо выглядел в своём страхе.

Вэньхао спросил:

— И куда же ты ездил?

— В Америку. — Сун Шаоянь передал ему коробку. — Купил в Вашингтоне, посмотри, нравится ли тебе.

Вэньхао открыл коробку: внутри лежал маленький стеклянный шар. В нём был запечатлён морской пейзаж: белые рифы, разноцветные рыбки и зелёные водоросли, парящие в нежно-голубой воде — невероятно изящная и красивая вещь.

— Это... как это сделано? — Вэньхао держал его в руках, не в силах расстаться.

— Это называется хрустальный шар желаний. Говорят, если загадать желание, глядя в него...

— Иностранная штучка... вряд ли сработает.

— Искреннее сердце всегда будет услышано.

Вэньхао бережно уложил шар обратно в коробку и тихо сказал Сун Шаояню:

— Спасибо.

— Главное, что тебе нравится.

— Ты ездил в Америку по какому-то срочному делу?

Сун Шаоянь ответил сухо:

— Нашёл старого знакомого, который отправился в Китай советником ВВС — чтобы ваш большой босс больше не донимал меня.

Вэньхао был в восторге, хотя и не до конца верил:

— Правда? Кто он?

— Будь спокоен, его техника в десять раз лучше моей, а опыта — в сто раз больше. Он участвовал в Первой мировой войне, имеет огромные заслуги, просто у него скверный характер, из-за чего в американской армии ему жилось несладко. Он прирождённый авантюрист, и если ему хорошо платить, он будет изо всех сил помогать китайцам.

Вэньхао в порыве чувств сделал два шага вперёд и крепко пожал руку Сун Шаояню:

— Ты... наверное, был в пути нелегко...

— Эй, не пойми неправильно. Это я оттого, что госпожа Цзян утомила меня своими бесконечными визитами, придумал этот план, чтобы сбежать, — сказал Сун Шаоянь, при этом с явным удовольствием позволяя Вэньхао держать себя за руку и даже не думая её вырывать.

Вэньхао улыбнулся, промолчал. Он внимательно присмотрелся и увидел, что Сун Шаоянь действительно загорел и похудел, отчего в душе разлилась лёгкая жалость.

Сейчас, когда восточные земли были оккупированы японскими захватчиками, путь в Америку лежал через Куньмин, Янгон и индийский Карачи, где только можно было сесть на пароход. Весь этот путь с его преградами и опасностями был сродни хождению по лезвию ножа — игра со смертью.

Да и к чему теперь ругать его за злой язык? Достаточно того, что он делает не меньше других. Персик и слива не говорят ни слова, а под ними сами собой протоптаны тропинки.

— Что хочешь съесть? Вечером я угощаю.

Сун Шаоянь удивлённо взглянул на него:

— Неужели ты разбогател?

— Сносно, но не настолько, чтобы ты меня разорил. — Вэньхао улыбнулся, чувствуя, как приятно снова слышать старые шутки Суна.

— Тогда я воспользуюсь твоим предложением.

— Дай-ка подумать. — Вэньхао сделал вид, что глубоко задумался. — В русском ресторане на Линьцзянлу неплохой хлеб, в отеле Интернэшнл на Хунсюэцзе — настоящие сигары, а в лавке

Лянью на мосту Чжуаньюань — лучшее во всём Чунцине белое вино... Что же выбрать?

— Я три месяца ел только западную еду!

— Ты же сам сказал, что согласен на моё предложение.

— Тогда я приглашу тебя.

Вэньхао поспешно замахал руками:

— Я шучу. Любишь сычуаньскую кухню?

— Просто не очень люблю слишком острое.

Вэньхао помолчал, а затем улыбнулся:

— В сычуаньской кухне огромное разнообразие вкусов, она не ограничивается только остротой.

После работы он повёз Сун Шаояня в маленький городок у реки Цзялинцзян в районе Шацы — Цыцикоу.

Это был важный грузовой порт, а поскольку большую часть грузов составлял фарфор, его называли Цыцикоу. У этого места были две особенности. Первая — обилие паого. Так назывались самоорганизованные сообщества простого люда в Сычуани, которые, по легенде, происходили из Общества Неба и Земли и мало чем отличались от соляных банд Чжэцзяна или шанхайских тайных обществ. В начале правления династии Цин те, кто вступал в ряды паого в уезде Ба, собирались в зале в Цыцикоу для совершения ритуала: закалывали кур и быков, принося клятвы Небу и предкам.

Вторая особенность — чайные. В стране, богатой дарами природы, у людей было много досуга. Поговорка гласила: Сычуань — это большая чайная, чайная — это маленькая Сычуань. У реки повсюду виднелись флаги чайных домов. Любовь сычуаньцев к чаю была едва ли не сильнее, чем к перцу. А в Чунцине ходила детская песенка про то, что арахис в Цыцикоу — так арахис, а цены на чай в Лунсичжэне — свои у каждой лавки.

У чайных в Цыцикоу была ещё одна отличительная черта: по вечерам там подавали ужин. Самым знаменитым блюдом был Маосюэван: свежую свиную кровь и потроха варили, добавляли сезонные овощи, ростки сои, много сушёного красного перца и сычуаньского перца, а затем заливали раскалённым маслом.

Поскольку блюдо готовилось быстро и стоило недорого, оно было очень популярно.

Когда Вэньхао привёл Сун Шаояня в эту пристань, в чайных как раз готовили Маосюэван. Звук шипящего на перце масла не смолкал, а воздух был пропитан жгучим ароматом.

— Ты уверен, что здесь не слишком остро? — испуганно спросил он.

Вэньхао похлопал его по плечу:

— Не дам тебе умереть с голоду.

Он повёл Сун Шаояня в безымянную лавку на углу, заказал чай Лаоинь и тарелку жареных бобов.

Вэньхао был поражён. Он с детства знал этого мужчину — владельца лавки, но как тот мог знать Сун Шаояня?

Сун Шаоянь, напротив, сохранял спокойствие. Быстро окинув мужчину взглядом, он сразу всё понял и с улыбкой спросил:

— Вы, должно быть, знали моего старшего брата Сун Шаотиня?

— Оказывается, вы и правда младший брат Шаотиня! Неудивительно, что так похожи, — просиял мужчина.

— Каково ваше имя, позвольте узнать?

Хозяин сложил руки в приветствии:

— Фамилия Тянь, братья по банде зовут меня Тянь Лаосань.

Вэньхао ещё не успел прийти в себя, а Сун Шаоянь уже поднялся и почтительно поклонился в ответ:

— Прошу прощения, не признал в вас господина Тянь, я был слеп!

— Ха-ха, господин Сун, ваш брат был человеком видным, да и вы не отстаёте, отлично! Полно вам, как говорится, мы все люди одной дороги, должны поддерживать друг друга.

Вэньхао едва не лишился дара речи. Сун Шаоянь, которого он знал, был современным плейбоем, вечно жующим стейки и пьющим кофе в шикарных авто. Где он набрался таких манер? Да и этот Тянь Лаосань... Встречают по одежке, как говорится.

— Ах да, мы, люди паого, не любим лишних церемоний, не стоит скромничать. Кстати, где ваш брат? Прошло пять лет после нашей встречи в Шанхае, как он?

Сун Шаоянь опустил голову и помолчал несколько минут, прежде чем ответить:

— Он погиб три года назад. — В тусклом свете его лицо казалось неясным.

— Погиб? Не может быть! — воскликнул Тянь Лаосань. — Шаотинь был героем, у него не было врагов, с его мастерством пятеро-шестеро обычных людей даже подойти бы не смогли...

— Брат Тянь, даже самый сильный человек не устоит перед пулей.

— Кто? Кто посмел совершить такое подлое злодеяние? Я отомщу за брата Шаотиня! — искренне возмутился Тянь Лаосань.

— Брат Тянь, я ценю твою доброту, но ушедших не вернуть, давай не будем об этом.

Вэньхао впервые услышал, что у Сун Шаояня был старший брат. Тот всегда хранил молчание о своей семье, и Вэньхао почти поверил, что он, как Сунь Укун, появился из камня.

Сун Шаоянь перекинулся ещё парой слов с Тянь Лаосанем и попрощался. Тянь Лаосань пытался удержать их, но в конце концов отпустил. Вэньхао почувствовал, что Сун Шаоянь нарочно избегает этого человека.

Сам Вэньхао не испытывал симпатии к тайным обществам — они застряли в прошлом, живя своими грёзами, — однако их чувство патриотизма вызывало уважение.

Выйдя из лавки, они молча пошли по улице к пристани.

Поздняя осень принесла ранние сумерки, и в густеющей мгле слышался отдалённый звон колокола из храма Баолунь.

Вскоре шум улиц стих, воцарилась тишина. Впереди в темноте поблёскивала, словно зеркало, речушка, впадающая в Цзялинцзян. Вэньхао казалось, что он слышит какой-то звук, не в силах разобрать — то ли журчание воды, то ли стук собственного сердца.

Наконец они добрались до пристани, но пассажирский паром только что отошёл, и ждать следующего нужно было четверть часа.

Вэньхао решил, что такое молчание невыносимо:

— Смотри, старые дома на том берегу. — Он указал на каменные стены и арки. — По легенде, император Цзяньвэнь сбежал туда, а затем вознёсся на небо, став бессмертным.

Он надеялся, что Сун Шаоянь подхватит беседу, но тот посмотрел на него с выражением: ты что, с ума сошёл?, а затем медленно произнёс:

— Я знаю, что тебе любопытно. Спрашивай, о чём хочешь.

Такая неожиданная прямота даже поставила Вэньхао в тупик, но он не привык уклоняться, поэтому спросил:

— Можешь рассказать историю твоего брата?

— Брат? — Сун Шаоянь выдохнул. — Его жизнь была ничем не примечательна, какая тут может быть история.

— Ничем не примечательна? Его бы не уважал так глава паого.

Хотя Вэньхао не водился с паого, он вырос в этом городе и слышал, что у них члены общества делятся на десять рангов. Трое старших — это лидеры, но реальными делами заправлял третий. А значит, этот Тянь Лаосань, скорее всего, был одним из самых влиятельных людей в чунцинском паого.

Сун Шаоянь горько усмехнулся:

— Если уж рассказывать, то только о том, каким он был дураком.

— Дураком? — тихо повторил Вэньхао. Он никогда не видел Суна таким подавленным, не

слышал такого глухого голоса и на мгновение растерялся.

Может, не стоило спрашивать? Он слишком эгоистичен.

— Разве нет? Он возомнил себя Мэнчан-цзюнем, день и ночь размахивал кулаками, водился с людьми из банд, мечтал, подобно Обществу Малых Ножей, бороться с японцами, а в итоге его предали собственные гости, и он даже не понял этого. Смерть его была справедлива, просто он был слишком глуп и недооценил подлость человеческой натуры.

Это наверняка была запутанная история. Вэньхао невольно вздохнул:

— Сун Шаоянь, на самом деле ты хороший человек, просто язык у тебя ядовитый.

Сун Шаоянь ответил тем же:

— Лу Вэньхао, ты тоже хороший человек, просто любопытство у тебя чересчур сильное.

В это время к причалу подошёл маленький моторный катер, и матросы выдвинули мостки для пассажиров.

Вэньхао рассеянно шагнул на них, оступился и чуть не упал, но Сун Шаоянь молниеносно подхватил его.

— Ты что, не поел? Ходишь, шатаясь, не доставляй неудобств другим. — Его язык по-прежнему был злым.

— Я... — Вэньхао хотел поблагодарить, но после такой насмешки не знал, что сказать.

Глядя на Сун Шаояня, который снова стал беззаботным и насмешливым, он почувствовал, что недавняя печаль была похожа на нереальный сон. Внезапно его охватила радость оттого, что он поделился с ним его тайну: словно расстояние между ними стало чуточку меньше.

Пароход, тарахтя, поплыл вниз по течению. Цзялинцзян сейчас выглядела как в стихах: В душе покой, тиха холодная луна.

Вэньхао заметил:

— В древности эту реку называли Юйшуй.

Сун Шаоянь тихо смотрел вдаль на слияние неба и воды и вдруг сказал:

— Слышишь? Кто-то играет на флейте?

Вэньхао прислушался. Действительно, откуда-то с берега доносились звуки флейты — плачущие, полные обиды, заставляющие путника в одинокой лодке на холодной реке чувствовать глубокую тоску.

— Мир необъятен, время ограничено, к чему эта суета? Жизнь проходит в пустых заботах, в спорах о малом, забывая, что всё предопределено. Посмотри на золотые долины осени, ночную

луну над рекой Уцзян, холодный дворец Эпан... Слава — как утренняя роса, богатство — как иней на траве. Постигни суть, отбрось тревоги. К чему эти рассуждения о выгоде? В тишине насладись вином и стихами. Пропой песню о возвращении, пока не поздно. Встречай моменты, собирай цветы, пригласи друзей, иди к ручью, играй на цине, обсуждай дела прошлые и нынешние, любуйся цветами, слушай птиц, не обращая внимания на переменчивость людских сердец. Живи беспечно, наслаждайся временем. — В темноте Сун Шаоянь тихо подпевал под звуки флейты.

Слушая его, Вэньхао слегка улыбнулся. Наслаждаться временем? Ох, это мечта, к которой человечество стремилось тысячелетиями, но так и не смогло воплотить.

Судно шло по течению, быстро добравшись до Хуалунцяо. Вэньхао смотрел вперёд, думая, что после Лицзыбы он сойдёт.

И именно в этот момент он не смог сдержать зевка.

— Не выспался? Или тебе скучно со мной? — едва он опустил руку, как услышал вопрос Суна.

Вэньхао горько усмехнулся:

— Дорогу от Дапина до Шанцинсы разбомбили японцы, дорожные службы чинят её. Автобусы не ходят, мне приходится каждое утро идти пешком из дома Юньтун до Теюаня, вот и встаю рано. — Путь был не сказать что далёкий, ли 11-12, но когда у рикш была работа, они могли бегать туда-обратно по десять раз.

— Погода становится всё холоднее, так долго не протянешь. — Сун Шаоянь, не раздумывая, предложил: — Может, переедешь ко мне?

— Можно? — Вэньхао знал, что он живёт на Чжуншань-4, всего в нескольких сотнях метров от дома Сяня.

— Если только ты не боишься, что я вынашиваю коварные планы.

<http://bllate.org/book/21143/2144169>